

„Ось есть пафос“

«СМЕХ — дело простое, смеяться можно над чем угодно. Но комическое — это искусство», — так начинается свою статью «В поисках жанра» в седьмом номере журнала «Театральная жизнь» Н. Велехова. Но, дочитав статью до последнего абзаца, который не без претенциозности повторяет первый, нам захотелось перефразировать его. Смех, конечно, — дело простое, но писать о нем так вычурно, чтобы читатель понял как можно меньше, — это уже искусство. Н. Велехова владеет им вполне.

Вот, например, произошло ли вам когда-нибудь в голову, что «юмор не поддается мелкому делению на дозы: в полуулыбке, пожалуй, больше грустного сожаления, чем смеха»?.. Знаете ли вы, что образ Фигаро «на грани больших открытий в комическом жанре (как, только на грани? — Л.), ибо Фигаро и Чацкий являются осью (1), на которой вертится вся комедийная «земля» пьес Вольтера и Грибоедова, и эта ось есть пафос (выделено нами. — Л.) утверждения, а не отрицания, что более обычно для комедии»?

Каждый критик, бесспорно, имеет право на свой оригинальный стиль. Однако хочется напомнить, что статья, напечатанная в журнале, рассчитана не на двух-трех из-

бранных друзей, а на те двадцать тысяч любителей театра, которые, надеясь, приобрели и прочитали этот упорно ищущий путей к сердцу читателя молодой журнал.

Между тем вычурная многозначительность формы рождает (или, может быть, отражает) сбивчивую противоречивость авторской мысли. На свой собственный вопрос, «в чем же узависимость комического?» — Н. Велехова без тени юмора отвечает: «в том, что обаяние его длится лишь до тех пор, пока звучит смех». И тут же она признает, что «вечен портрет Тартюфа с его поразительными типическими свойствами». Уже этого одного противоречия достаточно, чтобы запутаться, но критик спешит еще больше усложнить наше положение, заявляя: «сила эмоций, вызванных смехом над Тартюфом, жива лишь, пока Тартюф действует на сцене». А из следующих абзацев мы выясняем, что вообще «комическое ведь прилипчиво к памяти». Значит, эмоции покидают зрителя немедленно по окончании комедийного спектакля, но комическое — уже без эмоций и без обаяния — «прилипает» к памяти. Тогда выходит, что Тартюф, с одной стороны, скоротечен, хотя и вечен, а с другой — вечен, хотя и скоротечен... Одним словом, ось есть пафос...

Но было бы полбеды,

если бы дело заключалось только в этих, поистине находящихся «на грани больших открытий» формулировках. Обратимся к тому, что есть и ось, и пафос статьи, уловимый даже за словесными побрякушками. Переходя к советской комедии, Н. Велехова утверждает: «Нравственное, этическое, моральное — это путь, следуя которому, комедия приходит к социальному и служит общественным идеалам».

Тут есть о чем поспорить, так как путь нравственной этической трактовки социальных вопросов, разумеется, не единственный путь для комедиографа. Впрочем, для самой Велеховой этот тезис служит только мостиком для перехода к главному. Она озабочена вопросом: «как понимать установку нашей комедии на Щедрина?» Критику эта «установка» кажется сомнительной, во-первых, потому, что «сатира Щедрина направлена на дряхлость века», и, во-вторых, потому, что «ни в «Смерти Пазухина» Щедрина, ни в «Ревизоре» Гоголя образы и не претендуют на ракурс моральный, этический».

Вот уж сущая чепуха! Отрицать «моральный, этический ракурс» в комедиях Гоголя и Щедрина — для этого поистине надо вовсе не понимать ни Гоголя, ни Щедрина. А ведь несколькими абзацами выше Велехова ут-

верждала, что в комедии, где нет нравственного идеала, «анализ социальных явлений будет неглубок и безжизнен, ибо она будет изображать социальные маски, но не характеры». Приняв всерьез все эти рассуждения автора статьи, мы должны, следовательно, прийти к печальному выводу, что гоголевский и щедринский анализ социальных явлений неглубок и безжизнен, что герои их пьес — социальные маски, а уж никак не характеры. Но такого вывода, надо думать, убоится и сама Велехова.

Уберегая советских комедиографов от следования Гоголю и Щедрину, Н. Велехова делает еще одно «открытие»: «сатира Щедрина и сатира Гоголя бьет прямо в социальное (поэтому и нет там положительного героя)...»

Тут уже царь Соломон пришел бы в отчаяние: выходит, что там, где есть острая социальная установка, там не может быть положительного героя. Но почему? Не ясно ли, что в этом важнейшем вопросе Н. Велехова путает так же безнадежно, как и в других разделах своей патетической статьи, следуя стилю которой мы закончим заметку почти так же, как и начали: смех — дело простое. Но критика — это искусство.

И трудное — как мы только что убедились.

ЛИТЕРАТОР

25 ИЮН 1959